

— парсин —

16 — «Русская мысль» — №4157 — 16—22 января 1997

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Голос, летящий в купол

Русская певица Тамара Кравцова-Реник

При помощи слов можно достаточно точно описать картину, скульптуру или произведение архитектуры. Реально даже сделать рассказ настолько ярким, что перед мысленным взором читателя изображаемый предмет предстанет как наяву. Но каким образом описать поющий голос, его неповторимый тембр, интонации, сменяющие друг друга в процессе рождения мелодии?

Существует определенный набор эпитетов, привычно относимых к голосу: мягкий, звонкий, пронзительный, глубокий, сильный, волнующий, бархатный... Однако их перечисление не способно «зацепить» сердце так, как это делает реально звучащий голос.

Поэтому, если вы захотите узнать, что такое меццо-сопрано Тамары Кравцовой-Реник, лучше сходите на ее концерт или поставьте компакт-диск с записью. Тамара исполняет, главным образом, духовную музыку. Это ее стихия. Она пела в храме, еще занимаясь в музучилище при Московской консерватории. Тогда Тамара выступала с церковным хором, чтобы «подзаработать», еще не вполне осознавая, что и о чем поет.

Так продолжалось до тех пор, пока у певицы не случился парез лицевого нерва — тяжелая «профессиональная» болезнь. Лицо перекосило, мучили боли. Как правило, именно боль заставляет человека увидеть по-новому свою жизнь, переоценить пройденный путь и честно посмотреть в будущее. Обретенная в результате физических и эмоциональных страданий вера в Бога помогла певице не только преодолеть болезнь, но и поступить, несмотря на нездоровье, в Ленинградскую консерваторию.

Теперь Тамара вспоминает об этом периоде с благодарностью. Она положительно оценивает тот опыт и мудрость, которые пришли к ней через испытание болезнью.

— Если бы со мной ничего не случилось, — говорит певица, — возможно, моя карьера сложилась бы более удачно, но тогда все успехи я приписывала бы себе. Я стала бы самонадеянной и самодовольной и не воспринимала бы свой талант как Божий дар.

Теперь же я понимаю, что всем обязана Господу.

На жизнь и карьеру Тамары повлияли и другие обстоятельства. По ее судьбе, как и по судьбам миллионов наших соотечественников, прокатился железный каток советской власти. Ее дед репрессировали, а отца выгнали из университета как сына «врага народа». Саму Тамару до недавнего времени не выпускали гастролировать за границу.

Хотя имя Кравцовой-Реник нельзя причислить к широко известным, похоже, это не слишком удручает певицу. «Главное — трудиться, — считает Тамара. — Когда упорно работаешь, неизбежно наступает счастливый момент, и твои усилия вознаграждаются».

Музыкальное образование у Тамары Кравцовой-Реник — второе высшее. Сначала она выбрала специальность инженера-энергетика.

Потом, неожиданно для себя самой, круто изменила направление движения по жизни и решила стать вокалисткой.

— Никто не может предвидеть, что с ним будет, кем он станет, — говорит Тамара. — Важно попытаться понять Божий замысел относительно нашей жизни. Чем раньше мы его разгадаем, тем лучше. Ведь Бог каждому указывает дорогу, но мы не всегда различаем ее и блуждаем где-то рядом. И все-таки я убеждена, что каким бы неудобным и тяжелым путем мы ни продвигались, мы все равно придем туда, куда должны.

— Скажите, пожалуйста, Тамара, — спрашиваю певицу, — вы продолжаете петь в храмах?

— Да, и с большим удовольствием. Я православная, но меня приглашают петь и в католические церкви. Недавно я была в храме Непорочного зачатия. Служба проводилась на польском языке, и я удивилась, до какой степени все понятно. И в очередной раз подумала о том, что разделение Церквей — явление противоестественное, результат борьбы человеческих страстей. Нельзя говорить о русской культуре или православии, исключая культурное, в том числе и музыкальное, наследие других народов. Все русские композиторы воспитывались на звучании бельканто. Существует взаимное влияние культур, как светской, так и церковной, и в этом нет ничего плохого. Например, в православном богослужении используется голосовое исполнение праздничных концертов Моцарта. А в скором времени мы будем записывать на диск созданную в начале века Демественную литургию Гречанинова. Это яркий пример использования в православной литургии элементов католической службы, в данном случае органа.

— А на что вы прежде всего обращаете внимание, когда начинаете работать над тем или иным музыкальным произведением?

— Я стараюсь понять, что хотел сказать композитор, как он задумал свое творение. Некоторые певцы больше заботятся о том, чтобы продемонстрировать свои вокальные данные. Я считаю, что это неправильно. Главное — сделать так, как мечтал автор, хотя бы приблизиться к его замыслу. Исполнение не должно быть отягощено собственными умозаключениями певца.

Иногда во время разучивания возникают неожиданные трудности, недопонимание каких-то тонкостей. Например, когда мы записывали на диск концерт польского композитора XVII века Шажиньского «Jesu, spes mea» для голоса, двух скрипок, органа и виолончели, оказалось, что у этой вещи очень сложный ритм.

Сначала я решила, что он меняется в разных частях, однако выяснилось, что сквозной ритм один, но есть дробление на более быстрый и более медленный темп. Пришлось немало потрудиться, прежде чем этот оригинальный концерт зазвучал так, как его задумал автор.

— Многие произведения из тех, что входят в ваш репертуар, многократно исполнялись, в том числе и разными знаменитостями. Как вы находите свое «прочтение» этих вещей?

— Композитор старается указать все оттенки звучания, но все-таки сколько исполнителей, столько и трактовок. Сочинение, исполненное разными певцами, может быть в равной степени волнующим. Вокалист сам думает, где сделать звук более легким,

светлым, где более густым, насыщенным. Профессионал должен владеть тремя-четырьмя оттенками голоса. Над этим надо специально работать, чтобы потом использовать свое умение для наилучшего воплощения замысла композитора.

Помимо разной трактовки и разного уровня мастерства, у каждого вокалиста есть еще возможность сделать свое исполнение особенным и неповторимым благодаря собственному неповторимому тембру. Тембр, или индивидуальная окраска голоса — это именно то, что дается Богом. И нужно приложить усилия, чтобы развить этот дар. Как в притче о таланте. Изначально все певцы обладают своим тембром, но некоторые преподаватели намеренно или по неумению убирают его. Тогда исполнитель начинает петь «прямым» голосом. Это все равно что лишить человека индивидуальности. Особенно часто это практикуется при хоровом пении. Таким образом легко добиться общего звучания, которое на непрофессиональный слух воспринимается как гармоничное. Использовать индивидуальные особенности голосов, сплетая их в хор, — большое искусство. Для этого и нужен талант дирижера. Григорианские монахи прославились своим пением именно потому, что относились к тембрам как к данному свыше.

— Какой концертный зал вы предпочитаете другим?

— Малый зал консерватории обладает самой лучшей акустикой. Я там свой голос даже не узнала. Вот где петь легко и приятно. Большой зал слишком официальный, на мой взгляд. А в зале Чайковского есть звуковые ямы, он плохо приспособлен для музыкальных концертов.

— Кого вы любите из современных композиторов?

— Люблю Свиридова «Горные вершины», там даже есть ощущение звучания органа, необыкновенная палитра. Пела Равеля, Рахманинова. Мне нравятся романсы Метнера. Метнер эмигрировал в Англию, и его у нас не исполняли. Зато англичане оценили его и признали своим композитором. В 60-е годы жена Метнера привезла в Советский Союз его романсы на немецком, английском и русском языках. С тех пор он звучит и у нас.

Вообще мне интересно любое произведение. Когда начинаешь над чем-то работать, обязательно находишь нечто интересное, новое, какую-то изюминку. Ведь композитор, создавая музыку, вложил в нее часть своей души, какие-то мысли, чувства...

— Тамара, а есть у вас любимый слушатель?

— Я не сноб, поэтому для меня важнее всего не кто меня слушает, а как. Если людям нравится мое исполнение и они получают удовольствие от музыки, то и я испытываю радость.

Самое приятное в этом смысле выступление у меня было перед рабочими одного завода. Люди пришли после тяжелой смены, усталые... Это были простые работы, и я боялась, что они быстро заскучают. Но, честное слово, у меня в жизни не было более внимательной и благодарной публики! Во время пения в зале стояла абсолютная тишина, никто не кашлял и не скрипел стульями, как это случается в престижных концертных залах. И потом они так аплодировали, что я исполнила еще несколько произведений сверх программы.

ЮЛИЯ КРАСИКОВА

Москва

«Русскую мысль»
в Иерусалиме

можно купить

в Общественном доме

39 Jafro str., 91313 Jerusalem

и в магазине «Золотая карета»

129 Jafro str., 91064 Jerusalem.